

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. КОНРАДА

Данная статья посвящена проблемам формирования и развития системы имперских ценностей в приключенческих и политических романах Дж. Конрада. Романы «Лорд Джим», «Ностромо» и другие стали одной из главных опорных конструкций социальной ориентации и идентификации в Великобритании в конце XIX века.

В современном мире, в условиях успешно и необратимо развивающейся глобализации, все более актуальной становится проблема диалога цивилизаций как социокультурных общностей, сохраняющих своеобразие и противостоящих всем нивелирующим и стандартизирующим тенденциям.

Условием продуктивности диалога как коммуникативного процесса является устойчивое чувство собственной идентичности, понимание исторических корней собственной культуры и национальных традиций. Только на основе понимания своей культурной идентичности возможно адекватное восприятие иной культуры, истории и образа жизни, интерпретация без искажений другого символического универсума [3].

Решение проблемы диалога современных цивилизаций требует учета опыта предшественников, в частности интеллектуальной и художественной элиты Британской империи последней трети XIX века. В этот период Великобритания превратилась в «универсальное государство» (в понимании А. Тойнби). В ее составе объединились представители практически всех существовавших на планете рас и народов. В их взаимоотношениях обозначились все основные проблемы и конфликты противоборствующих тенденций универсализации и сепаратизации [12, 15, 19].

Выявление особенностей процессов коммуникации и интерпретации европейской и неевропейских культур требует анализа не только и не столько научных трактатов, сколько произведений массовой культуры, и в частности художественной литературы. Именно в их «художественном пространстве» непосредственно отражалась картина мира рядового индивида, его система ценностей, предпочтений и предрассудков.

В этом контексте особый интерес представляет творчество Джозефа Конрада (1857-1924) – писателя-мариниста польского происхождения. Юзеф Теодор Конрад Коженевский родился 3

декабря 1857 года в с. Тереховая под Бердичевом (по другим версиям – в с. Дербчинка под Бердичевом или в Житомире) в семье арендатора хутора. В 1861 году за участие в польском национально-освободительном движении его отец был арестован и выслан в Вологду – «подмосковную Сибирь». В 1863-м его матери Эвелине вместе с Юзефом разрешили вернуться на Украину, в Чернигов, где она умерла в 1865 году.

Оставшись сиротой, настроенный резко антироссийски и стремясь избежать призыва в армию, Юзеф в 1874 году эмигрирует в Марсель, где его самостоятельная жизнь начинается так же бурно, как и у его родителей. Он поступает матросом во французский торговый флот, затем, в 1877-м, тратит все свои деньги на закупку оружия для контрабандной поставки в Испанию повстанцам Дон Карлоса. Груз был перехвачен, и деньги пропали. Юзеф пытается возместить потери игрой в рулетку в Монте-Карло и теряет последнее. В 1878 году в Марселе он решает покончить жизнь самоубийством, но и это его мероприятие завершается неудачей – пуля из пистолета проходит рядом с сердцем.

6 апреля 1878 года он поступает матросом на британское торговое судно, в 1886-м получает британское подданство, сдает экзамены на патент капитана, а в 1888-м отправляется на барке «Отаго» в Малайский архипелаг в свой первый и последний рейс в качестве капитана. Море повернулось к нему своей «неромантической» стороной. Лихорадка вывела из строя всю команду. Конрад один ведет судно, попадает то в штиль, то в шторм, и неудивительно, что он решает сменить профессию. После возвращения в Лондон он начинает работать над своим первым романом «Каприз Олмейера», который был опубликован в 1895 году.

В 1890 году Джозеф Конрад совершил поездку в Конго и на основании своих африканских впечатлений опубликовал в 1898 году повести «Аванпост прогресса» и («Blackwood Magazine») «Сердце тьмы». В 1899-1900 годах в

этом же журнале выходит его «программный роман» «Лорд Джим», написанный на основе «малайского» опыта [16].

Польский иммигрант, Джозеф Конрад стал признанным мастером английской литературы, впервые заговорив на английском языке в 21 год и начав писать в 37 лет. В своем предисловии к сборнику «Приливы и отливы» (1915) он отмежевывается от «чистых» маринистов, от «проклятого хвоста кораблей», считая главной задачей писателя показ психологии героя, оказавшегося в драматической, напряженной и часто непонятной ему ситуации, сражающегося ради упорядочения хаоса окружающего мира.

Понятно, что благодатной темой для исследования Конрада становится человек на Востоке. Характерно, что в отличие от классического романтизма в неоромантизме не игнорировались творческие достижения реалистической литературы. Е.С. Себежко считает, что в результате формировался «романтизм с реалистической окраской». «Для романтиков Восток, экзотические страны воплощали ту насыщенность, естественность и полноту жизненных ощущений, которых мир цивилизованной, т. е. буржуазной Европы был безнадежно лишен. Для Конрада же Африка и Австралия, Индия, Китай, многочисленные архипелаги южных морей – реальные страны, которые в его описаниях теряют свой ослепительный блеск недостижимого идеала, наполняясь тревожной и значительной реальностью. Здесь не спасаются от хронического убожества «цивилизованного» мира, но живут, страдают и погибают, потому что эти места, вознесенные традиционной романтической мечтой над жизнью, в конечном счете, представляют собой тот же сгусток общественных противоречий» [18, с. 7].

Д. Конрад не ограничивается констатацией разрыва героя и общества, но и вскрывает социальные причины этого разрыва, в его произведениях противопоставлены не мечта и действительность, а насилие/гнет как жизненный принцип и «власть человеческого сердца». Писатель ищет гармонию не в объективных закономерностях общественного развития, а во внутренней сущности индивида. Герои Конрада реалистичны – они сохранили внутреннюю «неустроенность» героев Стивенсона, но в отличие от персонажей Киплинга не являются «рыцарями без страха и упрека». Конрад весьма ярко изображает «нищету духа, беспринципность и паразитизм белых «героев», которые

резко контрастируют с официальной империалистической риторикой» [18, с. 8].

Эффектное название – «аванпост прогресса» – на деле означает торговую станцию Великой торговой компании, затерянную «в центре Африки», удаленную на 300 миль от ближайшей станции, где два «героя» бездельничают, пользуясь трудом слуг-африканцев, и ждут, когда те же африканцы, которых они называют «славными животными», принесут им слоновую кость, чтобы обменять ее на промышленные товары. Эти «герои» больше напоминают «отбросы» европейского общества. Начальник станции Кайер бросил свою службу на телеграфе, чтобы заработать деньги для приданого своей дочери, а его помощник Карлье, отставной унтер-офицер кавалерии, до такой степени надоед родственникам своим бездельем, что зять выхлопотал ему место торгового агента. «Они оба были маленькими ничтожными людьми, бытие которых обуславливается лишь высокой организацией цивилизованного общества... Их жизнь, самая сущность их характера, их способностей и дерзаний – являлась лишь выражением их веры в надежность окружающей обстановки... Они могли жить лишь при одном условии – оставаясь машинами». И далее: «Их роднили глупость и лень. Оба они ничего не делали, решительно ничего – и наслаждались этим бездельем, за которое им платили» [8, т. 1, с. 28-9].

Писатель уподобляет Кайера и Карлье «пожизненным заключенным», освобожденным от опеки общества, но не знающим, как использовать свои силы. Они в принципе не способны выполнять свою функцию носителей прогресса и цивилизации. На станции они читают газеты, оставленные их предшественником, художником-неудачником, умершим от лихорадки. «Пресса обсуждала то, что ей угодно было высокопарно называть: «Наша колониальная экспансия». Здесь много говорилось о правах и обязанностях носителей цивилизации, о святости просветительской работы, превозносились заслуги тех, кто несет свет, веру и коммерцию в темные уголки земли. Кайер и Карлье прочли, подивились и начали лучше думать о себе» [8, т. 1, с. 31].

Эти «носители прогресса» жили в Африке, «как два слепца в большой комнате... Река, лес, вся страна, трепещущая жизнью, была для них великой пустотой... И простираясь во всех направлениях, окружая жалкий, расчищенный участок торгового поста, необъятные леса,

скрывающие необычайно сложную, фантастическую жизнь, лежали в красноречивом безмолвии немого величия» [8, т. 1, с. 29, 31]. Неудивительно, что безделье и никчемность этих «героев» приводят их к катастрофе. Отряд африканцев-работоторговцев захватывает их слуг и негров из соседней деревни вождя Гобилы, из-за чего последний прекращает снабжать их продовольствием, опоздание из-за аварии парохода заставляет их голодать. Конрад драматизирует финал: в конце концов они ссорятся, Кайер убивает Карлье и в ужасе от содеянного вешается на кресте, поставленном на могиле художника, как раз в момент прихода парохода [8, т. 1, с. 48-50].

Истинные герои Конрада – это романтические герои, Куртц из повести «Сердце тьмы» и Лорд Джим из одноименного романа, сильные, сложные и неоднозначные личности. Э. Саид считает, что в «Сердце тьмы» «схвачена» «имперская позиция» в отношениях управляющих европейцев и управляемых неевропейцев, что рассказ капитана Марлоу о его рейсе на пароходе по реке вглубь Африки, в «сердце тьмы» – это соединение двух миров умом, силой и волей европейцев. Для Конрада европеец, оказавшись в «дезориентирующей действительности Африки», попадает во «тьму», которую формирует сопротивление туземцев их «цивилизационной миссии». Э. Саид полагает, что «африканцы» Конрада – это не прямой опыт или рефлексия автора, а «мир в языке текста», результат влияния на автора «библиотеки Африканизма», произведений европейцев о Черном континенте. «Сердце тьмы» – это не фотографическая литературная «рефлексия», а смешение текстов и образов, целей и интенций, идей и интересов [33, с. 23-30, 68].

Для прозы Конрада характерна многослойность повествования, смена рассказчиков и ритма развития событий, появление «рассказов в романе», что впоследствии станет обычным для постмодернистской литературы. Это позволяет автору начать саморефлексию британской литературы, выявить закономерности влияния художественных произведений на развитие поздневикторианского общества.

В образе Куртца Конрад «пунктиром» намечает тот путь европейца вне Европы, который затем будет показан в широком панорамном повествовании о судьбе Джима. Оба они «выброшены» из рутинного существования мещанской Европы и отправились на Восток в

поисках применения своих сил. Рассказчик о Куртце и Джиме – капитан Марлоу видит в Темзе образ этого пути англичан на Восток. «Река служила всем людям, которыми гордится нация, – знала всех, начиная от сэра Френсиса Дрейка и кончая сэром Джоном Франклином; то были рыцари, титулованные и нетитулованные, – великие рыцари – бродяги морей. По ней ходили все суда, чьи имена словно драгоценные камни, сверкают в ночи веков... искатели приключений и колонисты, военные корабли и торговые капитаны, адмиралы, неведомые контрабандисты Восточных морей и эмиссары, «генералы» Восточного индийского флота. Те, что искали золота, и те, что стремились к славе, – все они спускались по этой реке, держа меч и часто – факел, посланцы власти внутри страны, носители искры священного огня» [8, т. 2, с. 7].

Конрад (вкладывая свое мнение в рассказ Марлоу) обосновывает правомерность и благородство британской колониальной экспансии через ее «удревнение», через проведение параллелей с экспансией римлян в древней Британии. Он вспоминает капитана римской триремы, поднимающейся по Темзе, который из «цивилизованного» Средиземноморья попал «на край света», где есть только «болота, леса, дикари... холод, туман, бури, болезни, изгнание и смерть».

Но писатель различает британских «колонизаторов» и римских «грабителей»: «колонизаторами они не были... административные их меры были направлены лишь на то, чтобы больше выжать. Они были завоевателями, а для этого нужна только грубая сила – хвастаться ею не приходится, ибо она является случайностью, возникшей как результат слабости других людей. Они (римляне. – С.Б.) захватили все, что могли захватить, и делали это исключительно ради наживы. То был грабеж, насилие и избиение в широком масштабе... завоевание земли – большей частью оно сводится к тому, чтобы отнять землю у людей, которые имеют другой цвет кожи или носы более плоские, чем у нас, – цель не очень-то хорошая». В отличие от римского «грабежа» британская «колонизация» «искупается только идеей... [это] нечто такое, перед чем вы можете преклоняться и приносить жертвы» [8, т. 2, с. 10].

Но Куртц в Африке, в «сердце тьмы», попадает в те же «дикие» условия, что и римские легионеры, и превращается из «колонизатора-администратора» в «грабителя». Марлоу ведет

свой пароход по африканской реке (в которой можно предположить Нигер. – С.Б.) к Внутренней станции торговой компании, чтобы эвакуировать ее больного начальника – Куртца, и возвращается «к первым дням существования мира... Пустынная река, великое молчание, непроницаемый лес... Казалось вам, будто вы заколдованы и навеки отрезаны от всего, что знали когда-то... мы были странниками на земле доисторических времен... мы блуждали во мраке первых времен – тех веков, которые прошли, не оставив ни следа, ни воспоминаний. Земля казалась не похожей на землю. Мы привыкли смотреть на скованное цепями, побежденное чудовище, но... здесь вы видели существо чудовищное и свободное» [8, т. 2, с. 50].

«Универсальный гений», полуангличанин, полуфранцуз, музыкант и журналист, Куртц, оказавшись вне цивилизации, вне «священного ужаса перед скандалом, виселицей и сумасшедшим домом», оказывается в полном одиночестве, заглядывает вглубь своей души и обнаруживает в ней буйство первобытных страстей и инстинктов. «Дикая глушь... шепотом рассказала ему о нем самом то, чего он не знал». Европейец оказался бессильным перед «тяжелыми немymi чарами глуши, которая, казалось, влекла его безжалостно к себе, пробуждая забытые и зверские инстинкты и воспоминания об удовлетворенных и чудовищных страстях» [8, т. 2, с. 80, 90].

Куртц приехал в «сердце тьмы», чтобы заработать деньги для брака со своей «нареченной» девушкой, но, оказавшись в африканской глуши, обладая огнестрельным оружием («громом и молнией»), он становится властелином местных племен. «Торговый агент» возглавляет набеги на соседние племена и не выменивает, а попросту отнимает слоновую кость. Он полностью разрывает контакты с Центральной торговой станцией, но через африканцев передает драгоценных бивней больше, чем все остальные агенты вместе взятые, и вызывает смешанные чувства ужаса и восхищения.

Но конец Куртца трагичен. Он оказался в местности, чей климат губителен для европейцев, без лекарств и медицинской помощи. Неудивительно, что приступы лихорадки в конце концов измотали его, и он умирает на пароходе Марлоу по пути на побережье. Романтический порыв одиночки, «жалкого Юпитера», оказался случайным эпизодом на фоне планомерной и цивилизованной колонизации Африки. На-

чальник Центральной станции сожалеет о его «нерациональном методе»: «Фирме мистера Куртца принес больше вреда, чем пользы. Он не понимал, что время для энергичных выступлений еще не пришло... осмотрительность – вот мой принцип! Мы должны действовать осторожно» [8, т. 2, с. 85].

Для Конрада более типичен и «реалистичен» путь на Восток Лорда Джима (или Тюана – господина, как его прозвали малайцы за гордость и независимость), сына пастора из Эссекса. «Начитавшись легкой беллетристики, он обнаружил свое призвание моряка... Он видел себя: то спасает людей с тонущих судов, то в ураган срубает мачты или с веревкой плывет по волнам прибоя... Он сражался с дикарями под тропиками, умирал мятеж, вспыхнувший во время бури... всегда преданный своему долгу и непоколебимый, как герой из книжки» [8, т. 1, с. 259]. Но «жизнь на море... оказалась странно лишенной приключений. Он (Джим. – С.Б.)... познал магию монотонного существования между небом и землей... взыскательность моря и прозаически суровый повседневный труд ради куска хлеба, – единственной наградой за него является безграничная любовь к своему делу. Эта награда ускользнула от Джима...» [8, т. 1, с. 262].

Но Джима с его романтической натурой продолжало тянуть на Восток. Он повредил ногу и был помещен в госпиталь в восточном порту (Конрад избегает точной географической локализации места действия. – С.Б.). Ветер в окна доносит до него «мягкий аромат неба, томный запах земли, чарующее дыхание восточных морей. Эти запахи словно говорили о вечном отдыхе, о нескончаемых грезах...» [8, т. 1, с. 263].

Джим встречает в восточных портах два типа моряков. Одни являются типичными авантюристами. «Одни – их было очень мало и в порту их видели редко – жили жизнью таинственной; то были люди с неугасимой энергией, темпераментом пиратов и глазами мечтателей. Казалось, они блуждали в лабиринте безумных планов, надежд, опасностей, предприятий, в стороне от цивилизации, в неведомых уголках моря».

Но большинство служили в местном флоте, принадлежащем и используемом азиатами, и постепенно деградировали. Конрад четко противопоставляет европейский кодекс морской службы с ее дисциплиной и верностью долгу и восточные порядки с их ленью, расслабленно-

тью и беспорядком. «Теперь они с ужасом смотрели на службу в родном флоте, где дисциплина была строже, долг – священен, а суда обречены на штормы. Они настроились на вечный покой восточного неба и моря. Полюбили короткие рейсы, удобные кресла на палубе, многочисленную туземную команду и преимущество быть белым. Они содрогались при мысли о тяжелой работе и, полагаясь на случай, жили беззаботно... на всех их поступках, взглядах, манерах было пятно – знак гниения – решимость пройти свой путь в спокойствии и безопасности» [8, т. 1, с. 264].

Именно на такое судно после своего выздоровления в качестве штурмана и устроился Джим. Понятно, что такие «моряки» позорно провалились при первой же опасности. «Патна» везла 800 мусульман-паломников в Мекку и ночью в штиль налетела на какое-то подводное тело. Старый корпус не выдержал, вода залила носовое отделение и в любой момент угрожала прорвать переборку, затопить носовой трюм и все судно. Немец-шкипер (явно выражая свое презрение, Конрад не называет его имя. – С.Б.) бежит на шлюпке с двумя механиками, бросив «Патну» и спящих пассажиров при надвигении шквала на произвол судьбы. И в этот момент безоблачное существование Джима закончилось – его романтические мечты не выдержали первого же испытания действительностью, и он вместе со всеми прыгнул в шлюпку. Конрад видит суть вины европейского экипажа судна в том, что он предал азиатов-пассажиров, за судьбу которых отвечал.

Но драматизм ситуации заключался в том, что переборка выдержала, «Патна» не затонула, на следующий день ее обнаружила французская канонерка и отбуксировала в Аден. Суд лишил экипаж «Патны» лицензий на судовождение, но гораздо суровее Джим судит себя сам. Он устроился на работу морским клерком, т. е. выходил из порта навстречу судам, предлагая им необходимые товары. Джим демонстрировал отчаянную храбрость, управляя шлюпкой под парусом при любом волнении, он считался ценным работником, хозяева были готовы платить ему самое высокое жалование, но Джим бросил место, переезжал в другой порт, едва лишь кто-то упоминал о случае с «Патной», даже если Джима и не обвинял.

«Утонченная восприимчивость», «возвышенный и идеализированный эгоизм» обрекли его на вечные скитания в поисках «убежища» –

места уединения до тех пор, пока капитан Марлоу, от лица которого ведется большая часть повествования, не добыл для него место торгового агента фирмы «Штейн и К» в Патюзане. В этом поселке, являющемся центром одноименного округа, удаленного на 30 миль от моря вверх по течению реки и затерянного в лесах, где правил султан – «юный идиот с двумя большими пальцами на левой руке и мизерными средствами, высосанными из жалкого населения», – шли непрерывные войны между раджей Тунку Аллангом, «самым злобным из дядьев» султана, общиной бугов, которую возглавлял Дорамин со своим сыном Даином Уорисом, и полукровкой-арабом «шерифом Али с его дикарями», опустошавшими внутренние районы.

Патюзан стал местом, где Джим смог «реабилитироваться» после своего позора на «Патне». Он возглавил военный отряд бугов, с помощью построенного ворота поднял пушки на холм, откуда они смогли расстрелять лагерь Али. Это стало главным условием успешного штурма лагеря и разгрома отряда Али. После этого раджа признал верховенство Джима и Дорамина, прекратил свои интриги, и в Патюзане установился мир. В качестве представителя белой расы Джим естественным образом превращается из торгового агента в правителя округа, «судью и советчика», чей авторитет среди местного населения непререкаем. Но при этом он остается по-романтически одиноким героем.

Конрад описывает мифологизированное восприятие Джима туземцами, которое складывается на основании его военной победы. «Легенда наделила его сверхъестественной силой», повествуя о том, как он безо всяких механизмов, на собственной спине втащил на холм пушки – по две за один раз, как одним пальцем повалил ворота в лагерь Али, в то время как в действительности он через них перепрыгнул, как во время его прибытия прилив начался на два часа раньше, чтобы Джим смог подняться по реке. «Моральный эффект военной победы... привел его от войны к миру и через смерть – в сокровенную жизнь народа... Успех, увенчавший его слова, завоеванная земля, по которой он ступал, слепое доверие людей, вера в самого себя, вырванная из огня, его подвиг... скрытые в нем силы заставили его так близко соприкоснуться с окружающей жизнью, что его одиночество казалось лишь следствием его могущества. И одиночество подчеркивало его величие. Не было никого, с кем бы его можно было срав-

нить, словно он – один из тех исключительных людей, о которых можно судить лишь по величию их славы, а слава его... гремела на много миль вокруг» [8, т. 1, с. 474].

Конрад устами Марлоу определяет поездку Джима как «бессознательное дезертирство – прыжок в неизвестное», в «убежище, купленное ценой опасности». Во время своего визита в Патюзан Марлоу видит Джима на холме, куда он поднял пушки и где он производит «впечатление полного одиночества»: «Джим возвышался над лесом, над вековым мраком, над древним человечеством. Он стоял, словно статуя, воздвигнутая на пьедестале; его непреклонная юность олицетворяла мощь и, быть может, добродетели рас, которые никогда не стареют» [8, т. 1, с. 468].

Конрад противопоставляет «рыцаря» Лорда Джима его предшественнику Корнелиусу, «который был подл и в глубине души и внешне», который разворовал все товары фирмы Штейна, был за это уволен, но остался в Патюзане. Романтическая система ценностей Джима не предполагает каких-либо коммерческих операций, и они остаются «за кадром» повествования. Конрад упоминает лишь о строительстве форта и о разбивке кофейной плантации. Джим действует исключительно под влиянием чувства долга и ответственности перед опекаемыми туземцами. Он говорит Марлоу: «Я снова обрел уверенность в себе... доброе имя. Я должен идти – идти, преследуя свою цель, чувствуя, что ничто не может меня коснуться. Я должен цепляться за их веру в меня, чтобы чувствовать себя в безопасности» [8, т. 1, с. 523].

В образе Лорда Джима Конрад восстанавливает образы истинных «носителей прогресса», романтических героев-первопроходцев, которые стремились на Восток не ради материальных прибылей, а чтобы выполнить свой долг, повинувшись своему предназначению. «Немыслимым кажется, что одна лишь жадность могла вызвать у людей такое упорство в преследовании цели, такую слепую настойчивость в усилиях и жертвах... Они оставляли свои кости на далеких берегах для того, чтобы богатства стекались к живым на родине. Нам... они представляются не торговыми агентами, но орудиями судьбы, они уходили в неизвестное, повинувшись внутреннему голосу, импульсу, трепетавшему в их крови, и мечте о будущем» [8, т. 1, с. 438].

Б.М. Проскурнин видит в «Патне» и Патюзане «символы – обобщающие состояния мира»,

средства соизмерения человека и мира, проверки их адекватности. Смысл романа – «борьба одинокого человека за самого себя – борьба со внешней случайностью и стихийностью, но глубинной метафизической закономерностью обстоятельств... с самим собой, той бездной, которая может открыться во всяком человеке» [16, с. 49]. Он видит в поездке Джима в Патюзан создание Конрадом экспериментальной ситуации изоляции героя от внешнего мира – от случайностей реальности. В то же время Конрад избегает специальной героизации, абсолютного романтического одиночества Джима. Он погружен в повседневные заботы жителей Патюзана и остается верным своему долгу до конца.

В структуре романтического произведения обязательно противопоставление крайностей – максимальной доблести и подлости, бескорыстия и жадности, смелости и трусости. Джиму противостоит пират Браун – «поражительный тип негодяя на северном побережье» Австралии, в чьем характере преобладали «дерзость и яростное презрение к человечеству вообще и к своим жертвам в частности». Конрад пишет о распространении цивилизации в Азиатско-Тихоокеанском регионе: «С появлением верховных комиссаров, консулов, военных судов и международного контроля Южные моря стали слишком беспокойным местом для джентльменов его пошиба» [8, т. 1, с. 539].

Шхуна Брауна с экипажем из «сброда, шныряющего по Южным морям», была захвачена испанским патрулем у Филиппин во время контрабандной перевозки оружия для инсургентов на Минданао. Брауну удается захватить другую шхуну, но он не успел погрузить запас продовольствия, необходимого для задуманного перехода через Индийский океан на Мадагаскар. В поисках продовольствия пираты проникают в Патюзан, но получают вооруженный отпор от ополчения под командованием Даин Уориса. Не желая кровопролития, Джим разрешает банде Брауна уйти, но Корнелиус показал им обходную протоку, и пираты, разозленные неудачей, расстреляли с тыла отряд Даина Уориса, причем последний погиб. Джим не захотел ни бежать, ни защищаться, он полностью принял на себя груз вины и ответственности. Джим безоружным пришел к Дорамину, и разъяренный отец застрелил виновника гибели своего сына.

Джим завершает свой символический путь на Восток, от цивилизации к стоической смер-

ти ради справедливости. Подобно Дон Кихоту, он был побежден материальным миром, но, сохранив верность своим идеалам «дела и долга», остался непобежденным в мире духовном, воплотив силу духа в готовности к смерти.

Джозеф Конрад соединил в художественном пространстве своих произведений

польский рыцарский романтизм и викторианские ценности мужества, верности слову и выполнения долга. Художественное совершенство и богатство колорита его романов, основанные на личном опыте автора, стали залогом их популярности как для элиты, так и для массового читателя.

Список использованной литературы:

1. Амосин М. Актуален ли Конрад? // Литературная учеба. 1984, №5.
2. Бельский А.А. Неоромантизм и его место в английской литературе конца XIX в. // Из истории реализма в литературе Англии: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1980.
3. Василенко И.А. Диалог цивилизаций. – М., 1999.
4. Вознесенская И.А. Джозеф Конрад и Генри Джеймс // Вестник ЛГУ, 1975, №14, вып. 3.
5. Вознесенская И.А. Раннее творчество Джозефа Конрада. (К вопросу об эволюции эстетических воззрений и творческого метода писателя). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Л., 1976.
6. Гражданская З.Т., Домбровская Е.Я. Конрад // История зарубежной литературы XX в. – М., 1963.
7. Джозеф Конрад о литературе // Вопросы литературы, 1978, №7.
8. Конрад Д. Избранное. Т.1-2. – М., 1959.
9. Кагарлицкий Ю.И. О Джозефе Конраде // Иностранная литература, 1957, №12.
10. Катарский И.М., Кагарлицкий Ю.И. Конрад // История английской литературы. Т. 3. – М., 1958.
11. Кашкин И.А. Джозеф Конрад // Кашкин И.А. Для читателя и современника. – М., 1977.
12. Креленко Н.С., Никитин М.Д., Парфенов И.Д. Колониальное взаимодействие Востока и Запада: Проблемы трансляции культур // Новая и новейшая история. Сб. ст. Вып. 17. – Саратов, 1998.
13. Кругляк М.Т. Своеобразие реализма в романе Дж. Конрада «Лорд Джим» // Проблемы метода и стиля в прогрессивной литературе Запада XIX-XX вв.: Сб. науч. тр. – Пермь, 1967. №157.
14. Панов В., Шайтанов И. По следам Джозефа Конрада. // Красный Север, 10 марта 1976 г., №57; 14 сентября 1977 г., №215.
15. Парфенов И.Д. Британская империя: взаимодействие и трансляция культур (полемика в английской историографии) // Новая и новейшая история. Межвуз.сб. Вып.18. – Саратов, 1999.
16. Проскурнин Б.М. Английская литература 1900-1914 годов (Дж. Р. Киплинг, Дж. Конрад, Д.Г. Лоуренс). Текст лекций. – Пермь, 1993.
17. Себежко Е.С. Повесть Дж. Конрада «Сердце тьмы» // Тезисы докладов 15-й научной конференции КГПИ им. К.Э. Циолковского. – Калуга, 1968.
18. Себежко Е.С. Социально-психологический роман Дж. Конрада. 1900-1914. (Проблема героя и конфликта). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1970.
19. Смирнов Л.М. Базовые ценности: формы существования и эмпирическое изучение // Генетические коды цивилизаций. Под редакцией Э.С. Кульпина. Материалы Третьей научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории» (сентябрь 1994 г., г. Феодосия, Республика Крым). – М., 1995.
20. Урнов М.В. Конрад // История зарубежной литературы конца XIX – начала XX в. – М., 1968.
21. Урнов М.В. Джозеф Конрад. – М., 1977.
22. Цыбульская В.В. К спорам о проблематике «Сердца тьмы» Дж. Конрада // Филологические науки, 1977, №6.
23. Цыбульская В.В. О новеллистичности романа Конрада «Лорд Джим» // Проблемы развития реализма в зарубежной литературе XIX-XX вв. – Киев-Одесса, 1978.
24. Цыбульская В.В. Новеллистика Джозефа Конрада. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Киев, 1982.
25. Шилиня Б.К. Сюжет и композиция романов Джозефа Конрада. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1977.
26. Conrad J. Autocracy and War. // Notes on life and letters by Joseph Conrad (1921). – L., 1934.
27. Conrad J. The Crime of Partition. // Notes on life and letters by Joseph Conrad (1921). – L., 1934.
28. Conrad: The Critical Heritage. Edited by N.Sherry. – L., 1973.
29. Flushman A. Conrads Politics. – Baltimore, 1967.
30. Hay E.K. The Political Novels of Joseph Conrad: A Critical Study. – Chicago, 1963.
31. Hewett D. Conrad: A Reassiment. – Cambridge, 1952.
32. Palmer J. Joseph Conrad's Fiction: A Study in Literary Growth. – N.Y., 1968.
33. Said E.W. Culture and Imperialism. – N.Y., 1993.
34. Trebisz M. The Novella in England at the Turn of the XIX and XX Centuries. H. James. J. Conrad. D.N. Lawrence. – Wroclaw, 1992.
35. Watts C. Joseph Conrad. Nostromo. – L., 1990.